

18+

ЛАТЫШСКИЙ СОВРЕМЕННОК

КОЧАН

ПОВЕСТЬ-ДРАМА

АВТОР:

В. А. Степанов

Владимир Степанов

Кочан

«Издательские решения»

Степанов В.

Кочан / В. Степанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567692-4

Царский режим Российской империи рухнул. На широких просторах России устанавливается новая власть Советов. Но не всё проходит гладко и просто. Действия разворачиваются в российской глубинке, в дремучем старом поселении лихих людей. С героями повести происходят события, порой смешные, порой грустные. Всё как в жизни! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-567692-4

© Степанов В.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	8
III	12
IV	14
V	18
VI	19
VII	22
VIII	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Кочан

Владимир Степанов

© Владимир Степанов, 2022

ISBN 978-5-0056-7692-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

– Не кидай-й-й...! – в ночной тишине раздался звон разбитого стекла и страшный треск дерева оконной рамы. Негодяев лежал в огороде меж двух капустных грядок на правом боку, не подавая признаков жизни. Огромный сторожевой пёс уже не захлёбывался в свирепом лае, он остервенело хрипел, сорвав окончательно глотку. С огромным усилием псина потянул тяжёлую ржавую цепь и сдвинул будку с места в сторону лежащего.

Расстояние между псом и Негодяевым медленно сокращалось. Страшный хрип из его глотки и бешеные слюни мотались из стороны в сторону, словно горячие, только что сваренные итальянские спагетти. Это ночное зрелище под луной, определённо, без всяких сомнений, повергло бы наземь и возможно лишила бы чувств, даже смелого, окажись он случайно в сей час в этом большом огороде и видя, как лохматое чудовище тащит на тебя целую баню, так как будка кобеля имела размеры немалые.

Цепь, натянутая словно тетива татарского лука, наконец-то провисла и, лязгая, легла на грядку. Пёс был у цели. Полная луна то исчезала, то упрямо прорывалась сквозь медленно проплывающие по небосводу серо-чёрные, рваные облака. Стояла холодная, ноябрьская ночь.

Уставший пёс уселся у головы лежащего и, задрав морду, уставился в круглую бледно-жёлтую луну. Но звуков лунной серенады из охрипшей глотки кобеля луна не дождалась и надолго спряталась за чёрной, плотной тучей. Псу, сейчас было не до песен, он в недоумении размышлял! Отдохнув, поднялся на четыре крепкие лапы и опустил большую голову к земле. Он таращил в сплошной темноте глаза и шумно втягивал чёрным, влажным носом вонючее амбре, исходящее из чего-то круглого, наполовину покрытого рыжей шерстью.

«Наверно кочан гниёт. Не уберегли капусту, хозяин стал забывать поливать, потому, что загулял маленько!», – так решил пёс и поудобнее уселся на голову Негодяева, размышляя, что же делать с кочаном. Ведь он в ответе перед хозяином, за весь огород в ответе, за каждый кочан.

«Так что же произошло сегодня в эту глухую и омерзительно сырую, холодную ночь за эти последние полчаса? Я дремал, но не спал и хорошо помню, что всё вокруг было тихо: и во дворе, и в огороде», – припоминал пёс. – «Что же произошло...?»

А произошло вот что. В окне дома хозяина горел свет, тихо играл граммофон, издавая приятные для собачьего уха звуки, как вдруг, ночную тишину большого огорода нарушил страшный грохот в избе: отборная, громогласная матерщина хозяина, визг его бабы и, доселе незнакомый ему – огородному сторожу, умоляющий, просящий пощады, визгливый мужицкий крик.

С треском и воплем в грядки прилетела вышибленная оконная рама, а под нею что-то орало, длинное и извивающееся. Орущий вскоре замолк, а из окна вываливалось нажитое добро хозяев. Летели тряпки, в большом количестве, потом сапог в портянке и фикус в тяжёлой кадке. Последними приземлились стул и две тарелки с рюмкой.

Выброшенный домашний скарб осел в тридцати сажнях от будки спящего сторожевого пса. Чёрные, нагоняющие мрачную душевную тоску осенние облака, вдруг замерли, ветер стих, и полная луна ярко осветила капустные головы, рядами лежащие на длинных грядках огорода. Пёс с большим любопытством осматривал огородную панораму. Оконная рама, с зажатými осколками стекла в углах, лежала на длинном, худом теле мужика, выброшенного невиданной силой из хозяйского дома. Кадка, с большим зелёным фикусом, ловко приземлилась прямо на разбитую раму, не сломав ни единого листка.

Огромный, бледно-розовый сисятник хозяйки, повис на ветках фикуса, он напоминал две связанные ведровые кастрюли из которой хлебал лохматый сторож. Отделанные белыми кружевами и рюшками голубые панталоны с пришитыми сзади грубой ручной работы зелёным

кузнечиком и жёлтой бабочкой, накрыли изогнутые ножки старого, перевёрнутого венского стула.

У самой головы-кочана лежала белая тарелка с прилипшей квашеной капустой и разной, солёной снедью. Изящный, довольно дорогой сапог кавалериста со шпорой, грязная портянка и домашний, донёльзя драный, сшитый из плотной тряпки и широкий как лапоть тапок хозяина, валялись вокруг вытянутого, бездыханного тела.

Деревянная ложка, когда-то расписанная под хохлому, вся изгрызанная и облезлая, лежала под самым носом Негодяева. А длинная лента квашеной капусты, словно зелёная сопля, одним концом зацепилась за ноздрю лежащего и пыталась вползти в неё. И завершал этот натюрморт кусок морщенного, солёного огурца, прилипшего к левому глазу его рыжей головы, как бы ставя неожиданную точку в этой шумной, незаконченной трапезе.

Кобель, за два года проживания в огороде, смирился с запахом кислой капусты, солёных огурцов и вонючего первача. Хозяин, откушав крепкого домашнего самовыгона, часто приходил к нему в гости, в огород. Он садился с большой бутылкой у его будки и тёрся своим лбом и лохматой бородой о его морду, что-то всегда ласковое бормоча ему в ухо. В его борodelопате был полный набор разносола, который он имел в своих погребках. Пёс уважал и любил хозяина, позволяя ему грубые ласки. Нередко, обняв шею кобеля, тот засыпал до самого утра, пока утренняя прохлада не пробирала его до самых костей, и тогда он покидал огород, а пёс лез в свой большой дом и крепко засыпал, ведь он всю ночь охранял покой своего хозяина.

Берды-Белеберды-Ибн-Оглы, да-да, так звался грозный пёс, имея на такое имя все заслуженные права, решил твёрдо, что он сидит на больном кочане, из которого исходило зловоние и, что его необходимо срочно лечить. Неизвестно ещё, когда хозяин объявится, чтобы самому осмотреть больного.

Негодяев, вытянувшись меж двух капустных грядок, был плотно накрыт оконной рамой и фикусной кадкой, только голова торчала, покрытая рыжими волосами и редкой, такой же рыжей бородёнкой. Его приоткрытый рот с тонкими губами, источал едкий перегар первача и кислой капусты.

«Надо кочан спасти!» – видя, что капуста только наполовину белая, а остальное всё ржавое и значит гниёт и воняет, вот такое заключение сделал пёс и полез на соседнюю грядку, где большинство белокочаных «голов» были уже сняты и рыться в земле, там было гораздо удобнее. Он повернулся задом к кочану и сильными лапами стал швырять землю прямо на рыжую голову Негодяева, издавая силпый, грозный рык.

Когда голова скрылась под кучей земли, пёс сошёл с грядки и, приблизившись, опустил голову. С большим усердием, часто и громко чихая, сторож огорода тыкал чёрным носом жирный, навозный чернозём. Плотно истыкав земляную кучу со всех сторон, пёс сел рядом, чтобы передохнуть.

«А теперь полить... кочан полить нужно!» – соображал пёс и, натянув тяжёлую цепь, потащил будку в дальний угол огорода, где деревянная бочка, до краёв наполненная дождевой водой, подпирала ветхий забор.

Налакавшись в большом количестве воды, кобель снова тащил дом через грядки, срубленные кочаны скатывались вниз, оставляя свои тонкие, лебяжьи шеи в сырой, холодной земле. Пёс долго не опускал высоко задранную лапу, пытаясь со всех сторон облить чёрную кучу. Наполовину ржавый, «больной» кочан был плотно укрыт и обильно полит заботливым сторожем огорода. Ещё посидев некоторое время с «больным», пёс встал и дёрнул железную цепь – собачий дом медленно уползал на своё постоянное место, в самый конец огорода.

II

В этом огороде пёс жил уже два года. Была глубокая, холодная, осенняя ночь. Гремя цепью по доске, уставший, он забрался в будку и улёгся на, выдавшие виды, старую овечью бурку чабана, привезённую новым хозяином с Кавказа. Положив медвежью голову между лап, пёс уткнулся мордой в эту тёплую бурку, вытягивая из неё родной запах далёкой Родины, и стал медленно погружаться в беспокойный собачий сон.

Ему снился его родной, далёкий Кавказ: с его высокими горами и зелёными лугами, снился журчащий ручей чистой хрустальной воды, стекающий с гранитных скал, густые утренние туманы в низинах зелёных лугов и его родное стадо с рогами и копытами. Стадо в двести голов баранов, овец и козлов, которых он пас и стерёг целых восемь лет.

Снятся псу его лохматые дружки и злой хозяин, которого возненавидел на всю жизнь, как ненавидят только шакала собаки-пастухи. За малейшую провинность гуляла нагайка хозяина по собачьим спинам. Он никогда и никого не жалел из своих собак – ни самого старого, ни самого малого. Его рука никогда не гладила собачью спину или лоб старого, преданного пастуха, все собачьи годы отдавшего для охраны его больших овечьих стад. Он умел гладить их только нагайкой.

Как-то, трёхмесячным щенком, играл он со своим дружком у порога хозяйского дома, и, увлечшись игрой, они не заметили, как появился сам хозяин с каким-то чужим чабаном. Хозяин с разбега заехал ичигом под лохматый зад дружка, да так, что тот влетел в открытую дверь дома словно дыня. С визгом катился он по длинному коридору, снёс короб с заготовленной, просеянной мукой для лепёшек, и только стена остановила его.

Усыпанный белым помолом от морды до хвоста, долго чихал лохматый. Наконец, прочихавшись, он увидел в дверях своих обидчиков. Дружок не испугался, не полез под лавку, он разогнался, цокая коготками по деревянному полу коридора и, прыгнув вверх, вцепился в толстый халат хозяина. Тяжёлый, породистый кутёнок повис чуть ниже пояса, крепко сжимая халат острыми клычками. Он висел и чихал, не разжимая челюстей. Хозяин-басмач оторопел и не двигался с места – такого от этого малого он не ожидал!

– Ии!.. Ааа!.. Ии!.. Ааа!.., – ржал, весь трясясь и издавая ишачьи звуки, незнакомый чабан.

Чабан тоже некоторое время не мог двигаться, сотрясаясь истеричным смехом. Когда же пришёл наконец в себя, он схватил щенка за бока и попытался его оторвать, но лохматый крепко висел на ватном халате. Тогда чабану стало уже совсем не до смеха, и, глядя на упрямец, он дёрнул кутёнка так, что клочок толстого халата остался в пасти кобелька. Громко матерясь, что испортил дорогой халат хозяину, чабан швырнул его далеко за порог, прямо на спину поджидавшего его Бердыя, что может и спасло его, чтобы не быть покалеченным, а может и того хуже...!

Молодой Берды глядел и запоминал, как жестоко обижают собак в псарне, и его собачий ум совсем не ласково воспринимал этот мир среди злых людей – сколько же много зла вокруг и как жестоки чабаны с нагайками в руках. Взрослея, с каждым годом он стал всё больше удаляться от людей, а вскоре, и совсем не подпускал их к себе.

Решению навсегда и окончательно отвернуться от человека и никогда не водить с ним дружбу, послужил крупный скандал, виновником которого стал тот же, неуёмный, шустрый дружок, который снова попал в историю, переполошивший покой всех собак в ауле и рассоривший некоторых до нельзя самолюбивых и очень нервных гостей с хозяином.

Дело было так. Этим летом в аул к хозяину приехала большая родня и почтенные гости. Вереница бричек, запряжённых низкорослыми лошадьми, ослами и даже верблюдом, тянулась по узкой и единственной в ауле дороге, не давая проезда встречным экипажам и, даже, вер-

ховым. В честь этого события, хозяин зарезал большого барана. В огромном казане во дворе готовился ароматный плов. Хозяин заранее всех собак своих и больших, и малых запер в старом деревянном сарае, чтобы не причинять гостям неудобств, когда они съезжаться начнут.

Полуголодные, запертые под замок, они исходили обильными слюнями, втягивая аромат баранины, исходящий из казана в десяти шагах от сарая.

Гости съезжались, заполняя большой двор ослами, распряжёнными конями и экипажами, которые плотно сдвигали к забору, давая простор для следующих прибывающих гостей. Верблюда отвели в самый дальний угол двора и накрепко привязали – характера он был более чем своенравного и скверного, как и его хозяин, не признающий никакой транспорт. Верблюд не переставая плевался, а хозяин был вечно чем-то не доволен и тоже плевался на весь двор.

Казан с горячим пловом унесли в дом. Хозяин, сложив плотно ладони, вежливо просил всех заходить в дом и проходить в его самую большую комнату. Шумно веселились гости: играла дутара, гости пели, кто умел, танцевал, много пили, произносили тосты. Когда стемнело, всею пьяной толпой вышли встречать запоздалую, очень важную персону, которая не переставая, с полчаса дубасила палкой по высоким воротам.

Лохматый дружок Бердяя, Грызхалатын, так стал называть его хозяин, после того случая, когда он оторвал клочок его дорогого халата, умудрился вылезти из сарая. Никакая сила не могла остановить малого озорника. Запах плова из открытых дверей дома, был сильнее любого страха.

Пока проходил довольно долгий процесс восстановления испорченного настроения запоздалому, разгневанному и очень важному гостю, вдобавок ещё, сломавшему о забор дорожную палку, щенок незаметно поднялся по ступеням крыльца и вошёл в знакомый ему коридор, по которому когда-то прокатился дыней. Дверь в большую комнату была открыта настежь.

Он с опаской переступил порог. Большая комната была устлана огромным ярким ковром, посреди которого стоял на железных ногах закопчённый от огня и дыма казан. На ковре, по кругу, разместились десятка два плоских медных блюд для плова, крученые рога для вина, чайные пиалы и большие кувшины с вином.

Некоторое время, Грызхалатын, не решался двинуться с места, он стоял в полной растерянности, его смутило большое количество горящих свечей, свет которых ярко отражался в меди, серебре и фаянсовой посуде.

«В сарае совсем не так! Там темно и сыро!» – сравнивал обстановку собачьего жилья с хозяйским домом щенок. Голод и необыкновенные запахи обильного угощения, толкнули его встать на богатый ковёр. Он принялся жадно заглатывать ещё не остывшие кусочки баранины вместе с рисом. Обезумев от количества мисок с пловом, щенок прошёлся по всему кругу, по всем блюдам, где лежал плов. Он впибал в себя столько, что сам понял: – «Хватит! Пора уносить ноги!»

И вовремя! Гости, наконец-то успокоившие обиженную, капризную персону, шумно шли к дому, держа его под руки. Набитый под завязку пловом, лохматый проказник сумел незаметно вылезти за порог и, еле передвигая ногами, скрыться в темноте.

Ранним утром, сонные собаки услышали шаги за стенами сарая, которые удалялись и вновь приближались. И так несколько раз, кто-то прошёлся вокруг. Псарня почуяла неладное, по шагам узнав хозяина. Тот медленно, по кругу обходил ветхую сараюху, где содержал собак. У самого низа стены, в бурьяне, аксакал обнаружил сгнивший кусок отвалившейся доски. Выдрав с корнями бурьян, он увидел дыру, зияющую в самом низу стены, в которую свободно мог пролезть кот и даже крупный щенок.

Старый басмач с керосиновым фонарём, поднятым высоко вверх, вошёл в сарай, тут же закрыв за собою дверь. В углу, в соломе, жались друг к дружке четыре трёхмесячных щенка и две взрослые, крупные сторожевые собаки. Ударом нагайки он отделил взрослых от малых. Каждого щенка он хватал за загривок и грубо тискал им животы, кидая обратно в солому.

Когда же высоко над потолком завис Грызхалатын, брюхо его хозяин даже не тронул, он с большим трудом удерживал над собою тяжёлый, лохматый шар. Лицо хозяина, в тусклом свете фонаря, превращалось в морду страшного, дикого зверя. Собаки, внимательно наблюдая за его движениями, увидели в нём страшную надвигающуюся грозу. Они, разом замерли на месте! Оскалив наполовину беззубый рот, хозяин вышел из сарая и широкими шагами направился прямо к дому, высоко держа за шкварник тяжёлого, не издающего никаких звуков щенка.

Собаки сгрудились у двери и наострили уши на дом хозяина, который неспроста потащил их братца за кудрявую шкуру, да ещё в свой дом, порог которого ни один пёс никогда не переступал.

Карающая рука аксакала внесла набитого пловом щенка в ту самую большую комнату с большим ковром, по которому вчера, он тихо ступал мягкими лапами, и при свечах, отражающихся в блеске богатой посуды, поедая плов из красивых тарелок.

В сарае свора тревожно скулила и повизгивала в ожидании плохих новостей из большого дома, но оттуда исходила зловещая, мёртвая тишина.

Но эта тишина была обманчива для начавших успокаиваться встревоженных собак. В большой комнате на красном ковре, шла молчаливая борцовская возня старого басмача и молодого, лохматого подростка с четырьмя лапами. Старик с неимоверно большим усилием возил мордой бедного Грызхалатына по медным блюдам. Возил жестоко, не проронив ни слова, он берёт силы, зная, что борьба только начинается, это только разминка. Подросток, который набит пловом, упрям и довольно силён и вынослив, а он старый...! Упрямый щенок пыхтел и молча упирался всеми четырьмя в толстый, густой ковёр, на сколько хватало сил. Его тошнило от запаха плова, и он всячески выворачивался, чтобы нос не катался по остаткам вчерашнего, застывшего в бараньем жиру риса.

Затянувшаяся безмолвная борьба, где не было перевеса ни с одной стороны, наконец-то разрешилась бешеной бранью хозяина. Аксакал выдохся и его прорвало! Вне себя, мокрый от пота, ручьём стекающего под толстым халатом, он разразился бранью на весь дом. Окна дома были открыты, и его было далеко слышать в утренней тишине.

В дикой ярости, он схватился за круглые, кудрявые бока упрямого и неподатливого щенка и бросил его прямо в казан, сам того не осознавая. Бросил прямо в плов, который оставался ещё на дне. Тут же закатав рукава халата, старик вцепился в густую шерсть наглого пастушонка и, вместо кирпича, начал драить им жирные стенки пузатого казана.

Грызхалатына покатило по чугунной орбите! Покатило по кругу справа налево, слева направо, потом его катало поверху, потом по низу и по самому дну, где ещё много было мяса и риса. Он, какое-то время остался лежать на дне, пока хозяин вытирал пот и закатывал спустившиеся рукава. И вот, снова начиналось всё сначала, опять справа налево, слева направо, опять поверху и по самому дну. Вскоре у бедняги голова пошла кругом, и он перестал воспринимать где он и что с ним происходит. Щенка охватил дикий ужас, перенести которого, он уже не смог!

Все собаки аула, даже в самом дальнем конце его, с содроганием слушали пронзительный, протяжный визг щенка.

От этого страшного, захлёбывающегося визга, перешедшего на жалобный скулёж, пять запертых собак, свернулись в один лохматый шар и плотно вжались в угол. Шар трясло, а изнутри его, непрерывно, как в ознобе, щёлкали собачьи челюсти, переходя в крупную барабанную дробь. Собачьи челюсти были неуправляемы, предчувствуя, что ещё ничего не кончилось!

Вконец озверевший, растерявший все силы, до невозможности измотанный басмач, с распаренной, красной и страшной рожей, по которой градом катил пот, собрал последние остатки своих сил и вытащил из шайтан-казана нечто уже непонятное, но ещё живое, кого недавно

кинул в котёл. Это нечто, он бросил на ковёр, и сам, тут же рухнул рядом, как подкошенный. Сухие, старческие руки, все в шерсти и бараньем жиру дрожали, пот частыми каплями стекал на дорогой, яркий ковёр, а глаза, не моргая, уставились в потолок. Щенок лежал рядом, молчал и не двигался, он только часто дышал и шумно сопел с прилипшим рисом на чёрном носу.

Всё, что имел пёс: красивую завитую шерсть, лохматый хвост и толстенькие, в мелких завитушках лапы, крупную головку с медвежьими ушками – вся эта красота в миг исчезла, как только его вытащили из этого страшного шайтан-горшка. От головы до хвоста, от спины до живота, всё было улеплено густым слоем застывшего бараньего жира, который крепко держал зёрна риса и даже крупные куски мяса. Все ингредиенты кавказского плова, остатки которого остались от вчерашнего шумного пиршества, сейчас глубоко сидели в густой кудрявой шерсти щенка.

Басмач сидел на ковре, продолжая тяжело дышать. Закатав спущенный, жирный рукав, дорогого, предназначенного для приёма гостей халата, он молча запустил цепкие пальцы в холку лежащего без сил бедняги, которому было теперь всё равно после бешеного полёта по орбите круглого шайтан-казана.

Грызхалатына тащили обратно в сарай. Его задние лапы волочились по земле, у хозяина просто не было сил поднять его, он держал его за шкуру. Открыв скрипучую, перекошенную дверь, пригнувшись, он вошёл внутрь.

– Чтоб тебя сожрали! Шакал! – громко прохрипел хозяин и швырнул щенка в темноту.

Собаки, когда затихли шаги хозяина, начали постепенно отваливаться от плотного шерстяного шара. Куча-мала медленно распадалась, появились морды, хвосты и лапы. Они долго встряхивались, каждая приобретала свой первозданный вид.

Вскоре, сарай начал наполняться ароматом плова. Голодные собаки встревожились, направив носы в одну точку. Пять пар удивлённых, голодных глаз уставились на лежащую кучку, которую скинул им хозяин. И что было бы с этой кучей, если бы она не зашевелилась и жалобно не заскулила? Эта кучка, облепленная мясом и рисом, медленно поползла прямо в собачьи пасти.

Голодная стая окружила ползущую еду, они жадно обнюхивали её со всех сторон и виляли хвостами – они узнали в этом аппетитном шаре своего младшего братца. Псины, одна за одной опускались на земляной пол, и утро собачьей радости началось!

Не кормленная свора до самого вечера возилась с пострадавшим, с завистью глядя на его круглый живот, соображая – сколько ж он в себя впихал, если нам ещё столько принёс? К вечеру чистый и вылизанный, взлохмаченный Грызхалатын в хорошем расположении духа рассказывал своему другу Берды-Белеберды-Ибн-Оглы на своём собачьем о страшном шайтан-горшке хозяина, в котором он долго крутился. Облизываясь, довольная свора с большой надеждой смотрела на дыру в стене, как на единственную возможность добраться до шайтан-горшка, который варит это чудо. У всех псов на уме была только одна мысль: «Кого бы ещё послать за этим чудо-пловом?». Но в дыру смог пролезть только опытный Грызхалатын, а плов он уже не любил.

III

Спит старый пёс. Раздуваются его толстые щёки, дёргаются сильные лапы, дрожат его веки с чёрными подпалинами. Он гонит волка в горы, он защищает своё стадо овец, козлов и баранов. Он сейчас там на своём далёком, тёплом Кавказе.

Огромный, в пять пудов веса, старинной породы свирепых алабаев, потомок прославившихся на весь Кавказ его прадеда, деда и отца. Недаром, когда он появился на свет Божий, хозяин двадцать вёрст пробирался через хребты и ущелья в удалённый, всеми забытый кишлак. Только те, кто имели большие отары и хорошие деньги, знали дорогу в этот кишлак. Хозяин из малого кишлака даром не отдавал своих породистых щенков, за них он брал большие деньги. Заплатив немало, хозяин долго ковырялся в большом ящике, выбирая кобелька, чтобы вырастить из него хорошего пастуха и защитника для его крупных отар.

Когда пришло время, натасканный и очень сообразительный пёс, приступил к работе. Нанятый хозяином чабан, глядя, как ловко управляется молодой пёс с большим стадом, почти перестал приходить на пастбище. Он полностью доверился собаке. Пёс самостоятельно, всем на удивление, научился закрывать, а потом и открывать ворота загона. Много чабанов приходило посмотреть на работу пса. Многие давали немалые деньги за него, но хозяин никому не уступил, хотя и боялся своего пса.

Людей пёс не любил и больше всех – хозяина. Он всё помнил, с раннего детства помнил, как отхаживают плетью собак, даже когда они просто попадают человеку на глаза.

Работал пёс не по сложившимся веками традициям, как это делали его предки. Он своё стадо в двести голов мочил, попросту говоря, метил. Мочил с утра до вечера, от восхода до заката и с большим усердием.

Нахлебавшись из горного ручья воды, он шёл к стаду и, задрав высоко лапу, начинал метить, не разбирая, глаз ли это, или лоб, рог, или зад. Затем, врывается в самую середину и вытаскивал сухих, боящихся привиться, цепляясь зубами за всё что попадёт в пасть: бороду, рог или копыто. Снова валил и снова мочил. Таким образом он делал стаду поголовную прививку, которая в дальнейшем принесла огромную пользу – появился стадный иммунитет, а ещё она изменила как внешний облик стада, так и манеру хождения его по лугам. Плотной, сколоченной грозовой тучей, двигалось оно по широким, зелёным лугам, и ни одна овца, ни один козёл, не имели права отделиться даже на шаг. Это был иммунитет самосохранения, иммунитет выживания в сплочённом коллективе. Из этого коллектива, раньше, часто пропадал член, или несколько членов этого коллектива, уносимый серыми волками. Берды решил раз и навсегда покончить с этим криминалом и окончательно стать хозяином стада. Только он имел право решать, кого отдать резать, кого помиловать, а кому порцию двойную влить, чтобы серые не приставали. В стаде не стало потерь, и даже наоборот... пошёл его прирост, когда пёс дал всем понять и человеку, и волку, что только он, он, единственный хозяин этого стада.

Чабан, неделю не появлявшийся на пастбище, не узнавал ни овец, ни баранов, ни козлов. Пса он тоже не узнал, пёс просто не подпустил его близко, теперь это были его козлы и бараны. Он стал хозяином отары! «Чабан не приходит на луга, чабан собаке не приносит кушать. Чабан не хозяин!» – так решил умный пёс.

Стадо не просыхало. Скотина ходила плотной, сжатой со всех сторон кучей, жалась друг к дружке, боясь быть поваленной на землю и заполучить в морду порцию струи, которой так умело управляет хозяин.

Шерсть стада приобрела цвет расцветших весенних, молодых одуванчиков. А запах, в летнюю, знойную пору, был непередаваем. Обоссанная шерстяная туча, как айсберг дрейфовала по зелёному морю кавказских сочных лугов.

Перелётная птица отчаянно кричала, сбившись с курса, пролетая над вонючей тучей, грызуны задыхались в норках. Зайцы и лисы рыли глубже и глубже, пытаясь удержаться на обжитых местах. Где проходило стадо, всё живое задыхалось. За полверсты ни живой души, ни комара, ни мухи.

Пёс зорко следил за своим добром, время от времени подмачивая тех, кто подсыхал. Затем стал на день, а то и на два, покидать зловонный табор. Он уходил на собачью охоту.

Хозяин изредка, но объезжал с ружьём и на коне ближние и дальние луга своих угодий. Он проверял, нет ли где логова волка или шакала.

Через три месяца, как молодой пёс приступил к работе, аксакал, объезжая дальние границы пастбища, нашёл несколько разодранных в клочья волков.

Возвращался басмач со своих угодий в большом восторге, вслух раз за разом повторяя: «Ай да собака! Ай да Белеберды-Берды! Вах... вах... вах...!», – он смотрел на пса с большим уважением и с большого расстояния. Хозяин откровенно боялся пса. Даже с лепёшкой в руке, пёс не подпускал его близко. Он молча скалил зубы, и тот с большой досадой догадывался, за что немилость! – «Наверно не мой уже пёс, а стадо больше ещё делается, растёт моё стадо. Ну да Аллах с ним, пускай пасёт...!»

Такое длинное имя-кличку пёс получил из уважения к нему и его роду. Его имя складывалось из прославленных имён деда, отца и даже прадеда. Берды навёл порядок в округе, разогнав далеко от пастбища волков и шакалов. Он метил всё в округе: камень, дерево, и самого разодранного волка, давая понять серым, кто здесь хозяин!

За свою отару теперь он был спокоен. Никто из серых разбойников не посмел и близко приблизиться к стаду. Они за версту чуяли страшный запах шайтан-чабана, который уже наводил на них ужас. Это по лугу гуляла плотно сбитая в кучу, шерстяная мокрая туча, обильно политая грозным хозяином.

Проходили год за годом, звонкая весна сменяла суровую, снежную зиму, а жаркое лето весну. Пёс, за эти годы превратился в матёрого, свирепого, мудрого и уравновешенного кавказского волкодава. Он исправно выполнял свою работу, заботясь о стаде и оберегая его. И вот однажды, в его однообразной жизни пастуха произошли большие перемены.

IV

Был обычный, солнечный летний день. Склонив головы, овцы, козлы и бараны щипали сочную, луговую траву. Пёс лежал недалеко от горного ручья в тени под кустом. Он дремал, изредка осматривая пасущееся стадо.

Приподняв в очередной раз голову, его глаза разглядели вдалеке две тёмные фигуры. Фигуры медленно приближались. В одной из них, он узнал хозяина, вторая же, совсем была не похожа на чабана, да и вообще, на человека с Кавказа.

Хозяин начал замедлять шаги и, вскоре, совсем остановился. Незнакомец, как шёл неспешными шагами, так и продолжал идти в сторону лежащего пса.

Пёс медленно поднялся, встряхнулся и сел, не подав ни звука. Мужик остановился в пяти шагах, и они стали внимательно рассматривать друг друга.

Пёс, почему-то, и сейчас не оскалил страшные клыки, и даже, наоборот, с большим любопытством разглядывал огромного, толстого, ни похожего на всех тех, которых он видел за свои восемь лет, незнакомца. На его кривых, толстых ногах красовались добротные, надраенные до блеска кожаные сапоги. Гладкие голенища сияли на ярком солнце, в которые были заправлены широкие в полоску штанины, цвета арбузной корки.

Одет был в двубортный серый сюртук, из-под которого выглядывала косоворотка из алого атласа. На большой голове сидел, глубоко насаженный, чёрный картуз с широким козырьком, из-под которого торчал завитой, как смоль чёрный чуб.

По Русской-матушке земле нашей, немало ходят мужиков с лицом утончённых черт, полных аристократического благородства, подчёркнутой интеллигентности и изящества в движениях двигать ногами и руками, в манерах говорить только губами, строго держа свой скелет в состоянии совершенного покоя. С таких хоть икону пиши, или сади его рядом с английскими лордами за один стол!

На поляне перед псом, стояла полная противоположность этой изящной грации, утончённости, изысканности и аристократизма. Стоял корявый мужик из дремучих, глухих русских лесов!

Перед ним предстала живая глыба! Огромная башка в чёрных, завитых волосах, круглое лицо с широкими скулами имело цвет, будто его посыпали крошками битого, красного кирпича. Густая, чёрная с проседью борода, своей формой особой её стрижки, напоминала совковую лопату дворника.

Он раскрыл рот в широкой, беззлобной улыбке. Этот рот скорее походил на хлебало, для которого в самый раз, заменить ложку на поварёшку. В улыбке обнажились крепкие, жёлтые зубы. Круглые, выпученные тёмно-карие глаза, не моргая уставились на сидящего матёрого пса.

Мужик пребывал в хорошем расположении духа и чуть навеселе, с самого утра угощённый хозяином крепкой, домашней чачей перед знакомством со свирепым кобелём. Хозяин не рекомендовал похмеляться, но гость настоял принять для храбрости, во всяком случае, эти слова сказал сам гость, абсолютно не похожий, что он может кого-нибудь и чего-нибудь испугаться.

Коряво сложенный, здоровенный мужик, продолжая широко улыбаться, неуклюже опустился на колени. Стал на карачки и упёрся круглыми кулаками в землю.

– Гы..гы...! – басисто загыгыкал он, без всякого страха глядя в морду пса. Полы сюртука задрались наверх и широченный зад выпирал наружу, туго натягивая штаны-арбузы в белую и зелёную полосу.

Басмач-хозяин, выдавший всякое, остолбенел, глядя на два огромных арбуза гостя. Он уже знал, что произойдёт сейчас. Рта хозяин раскрыть не успел, чтобы предупредить.

В два стремительных прыжка, пёс оказался у головы гыгыкающего мужика. Без всякого шума и лая пёс тут же своей головой приподнял голову мужика и широкой пастью, намертво вцепился в густую бороду рядом с кадыком, начал медленно валить его набок. Это была привычная для пса работа, когда необходима мокрая прививка, он таким приёмом всех валил в своём стаде.

Мужик хрипел, тужился, но не валился. Пёс с большим опытом работы недоумевал: «Странный козёл попался? То на двух копытах стоит, то на четырёх? И не блеет как все, упрямый, и тяжёлый какой?». Он быстро переместил челюсти ещё ближе к горлу и ещё сильнее стиснул их, на случай, если козёл начнёт продолжать сопротивляться. Упрямая «козлиная» туша в девять пудов начала неуклюже заваливаться на зелёную траву. Хмель и дух веселья, пребывающие в мужике, быстро испарялись. Тревожные сигналы опасности, так и застучали в трезвеющую голову.

«Эдак бороду с кадыком выдерет окаянный и не подавится», – оставив попытку к сопротивлению, трезво рассудил мужик и покорно завалился набок.

Два глаза смотрели в упор друг на друга. Выпученный на орбиту в красных прожилках мужицкий глаз, почти тёрся о прищуренный карий глаз кобеля. Пёс смотрел в вытарашенное око поверженного и соображал: «Сейчас придушу слегка, помочу и поташу в стадо этого наглеца. Одним козлом больше станет. Пятым будет!»

Тем временем, пришедший в себя, мужик быстро вертел глазом, и тоже, что-то соображал. Он с большой опаской, втянув пузо, чтобы не коснуться рукой зверя, осторожно сунул правую руку за пазуху и вытащил крепко зажатое в кулаке нечто полукруглое, похожее на лошадиную подкову. Эту подкову он тут же ткнул в самый нос сопевшего пса.

Резкий аромат подковы смешался с чистым воздухом и шибанул в морду так, что Бердыя унесло на восемь лет назад. Унесло прямо в старый сарай, где он с собачьей сворой, когда-то впервые отведал плова, принесённого его дружкой. Вкус и запах его, он запомнил на всю жизнь.

Этот же, незнакомый ему, запах был совсем другим, ещё крепче и вонючее. Пёс одурел! Слюни обильно потекли из щёк плотно сжатых челюстей прямо на бороду подмятого под ним мужика, который, не переставая, тыкал и тыкал ему в морду подкову, сводящую с ума.

Великое искушение овладело кобелём. Соблазн был таков, что мучительно долго выбирать пути было невозможно – либо обоссать этого дерзкого, старого козла и поволочь его в стадо, либо вцепиться в эту искусительницу, которая не переставая тёрлась о его нос, доводя до полного одурения.

И пёс поддался искушению, не в силах устоять перед волшебным ароматом этой подковы, обладателем которой был лежащий, упрямый козёл. Продолжать нюхать дурманящий запах больше не оставалось сил. Пёс молниеносно раскрыл страшные челюсти, отпустив бороду, и в ту же секунду вцепился в искусительницу, которая сломалась возле самого мужицкого кулака.

Дух сломанной подковы проник в пасть пса и ещё сильнее одурманил его голову. Он напрочь забыл, что и кто под ним лежит, он был там, в том сарае, а рядом его дружка с принесённым на себе угощеньем.

А тем временем бородатый, почуяв свободу, прятал зажатую в кулаке вторую половину ароматной, домашней колбасы. Кобель опустился на землю и зажал колбасу между лап. Он обгрызал её мелкими кусочками, точно так, как восемь лет назад, вытаскивал из шерсти своего дружка рисинки и мелкие бараньи кусочки мяса. Он смаковал, наслаждаясь воспоминаниями своего щенячьего детства. Сегодня для него был второй самый счастливый день в его уже немолодой собачьей жизни.

Мужик уже сидел, примяв высокую траву своим широким арбузным задом, смотрел в безоблачное голубое небо, крестился и громко благодарил Всевышнего:

– Господя! Уберёг мя от сатаны в волосьях псиных, бороду и мякоть членов, сберёг мя от окаянного! Господя! И сохранил в целости плоть задых моих и порты в полосу не драны мя! И живёхонек раб твой в зелёной травке пребывая, скотина шерстяная рядом оную пожирает те! Благодарствую тя, что ума дал православному, усмирить дьявола колбаскою домашнею, надоумил мя в края далёки взять ея, нечисть усмирять окаянную. Поглядь вниз! Жрёть супостат, и всё крошевом-крошевом окаянный. В праздной трапезе пребывает, бес кудлатый! Аки петушка сахарного лобызает, харя клыкастая!

Страху не было на его лице, из взлохмаченной головы катил пот, алый воротник рубахи потемнел от влаги, и последний градус, выпитой утром крепкой чачи, покинул буйную голову. Мужик сидел в траве одурманенный случившимся и растерянный.

Прочитав молитву «О здравии и спасении», перекрестился и медленно перевёл устремлённые в голубые небеса выпученные глаза на землю. Теперь, освобождённый от звериных «тисков» и имея, видимо, много претензий, он уставился на пса, который лежал в двух шагах, целиком занятый колбасным обрубком, крепко зажатым между лап.

Мужик не вставая дотянулся до картуза и начал усердно вытирать им, смачно пропитанную собачьими слюнями, чёрную бороду. Долгий процесс вытирания лохматой бороды сопровождался басистой тирадой недозволенной русской матерщины и оскорбительных слов в адрес дерзкого кавказского кобеля.

– Да разъетить твою-то суку-мать, паршивицу такую! И кобеля-отца твоего разъетить-та тожа, с матерью вместе евоной! Пашто дьявол, пашто лик образный, господом данный мне, испоганил слюною ядовитой, аки аспид скользучий? Нежель нюхом не ведаешь, кобелюка, хто по чину и сословию пред тобою сидить? Глумление над цилавеком православным, нехристь кавказская, что ни есть, а грехом большим явитца. В церкву бы тебя, в мою! Ты у мя с коленок дённо и ночью не вставал бы, етит-та твою та в душу. Господи, да прости за злы слова, неприемлемы языку православного, – бородатый спешно перекрестился и продолжил. – Да породы не той уродилси, не христианской. Разбойна порода и морда твоя, ни человекья, смерд клыкастый! Прости Господи...!

Вытирая о траву картуз, мужик не спешил встать на ноги, он ещё не всё сказал:

– Пашто, слюнявая харя, браду мою испоганил? Аль не видишь, с миром к тябе пришёл, на карачки аж встал, пообщатси. Да ты, пастушье рыло, во смирении и полном послушании пребывать должен. Токмо, как погляжу, челюстями горазд хлопать, сучий сын! Эван, хозяин-то твой, в ступорной раскоряке прямо так и застыл, не дёрнетси аж, докель с тобой я тута вожуся. Гыбы... Напужали мы старого! Однако, погляжу я, вредный он у тебя, хозяин-то твой!

Если бы кавказец понимал те слова русского языка, что наговорил ему незнакомый мужик, лежать бы ему бездыханным за оскорбление старинного кавказского рода: за мать-суку, за отца-кобеля и двух паршивцев – деда с прадедом.

Пёс проглотил последний колбасный кусочек, аккуратно и не спеша облизал кончики лап, встал и уставился на неугомонного, матерящегося в траве мужика. Подошёл вплотную и два раза сильно поскрёб лапой по бочкообразному, почти круглому брюху сидящего. Мужик крепко прижал картуз к бороде.

– Чаво нать, окаянный? Брады не трожь! Ня дам!

Пёс ещё раз скребанул лапищей по брюху. Мужик понял, борода псу не нужна. Рука его полезла за пазуху и вытащила вторую половину колбасной коляски. Зажав крепко в кулаке, чтобы та чуть выглядывала из кулака, он поднёс её к морде пса.

Берды уселся рядом, уставив карие глаза в глаза мужика и передними зубами начал отщипывать пахучий остаток вкуснейшей подковы.

Никогда с таким огромным «зверем» не сидел чуть ли не в обнимку мужик. Он закинул картуз в траву, а левой рукой стал слегка поглаживать большую голову кобеля, потрепал осторожно густой загривок и снова гладил его широкий лоб своей широкой, тёплой ладонью.

Пёс, не познавший человеческой ласки, сейчас, даже не напряг ни один мускул, когда рука человека легла на его лоб. Он почувствовал тепло исходящее из мягкой, большой ладони этого незнакомого ему человека, которого минутой назад, он собирался придушить и оттащить в стадо, в шайку пятерых, наглых козлов, прижившихся с овцами.

Рука, лежащая на голове пса, источала незнакомое ему, особое, мягкое тепло, как луч солнца, пробившийся из серых облаков и полное доверие к этой тяжёлой и в тоже время ласковой руке. Свирепый кавказец уже не сомневался, что с рядом сидящим, можно не беспокоиться за своё стадо – он сидит с большим, добрым чабаном, только совсем не похожим на тех чабанов, с которыми встречался.

Две пары карих глаз в упор смотрели друг на друга, и, у каждого в их глазах, можно было видеть настоящую, неподдельную симпатию друг к другу, симпатию человека и собаки!

– Итить пора! – тихо заговорил надолго умолкший мужик, вытирая о траву скользкий, в собачьих слюнях кулак. – Глядь! А хозяин-то твой, усё стоять, аки истукан. Кабы не обосралси сердешный, гляючи чаво туту вытворяли мы с тобою. Ей-ей в порты навалил грешный. Кады навалишь, акромья как по-другому, и никак стоять невозможно, я знаю! У мене многие так стоять, кады бить кого собираюся.

Минуту сидел молча, поглаживая пса и о чём-то думая глядя на стоящего вдалеке хозяина.

– Ну, порать мне! Ярило-то, эван, за гору зайдёт вскоре. Твово через весь аул тащить. Видать шибко яво заступорило. Срамота! Издалече так и обосратси! А к тябе я ишо прийду, сучий ты сын. Я не серчаю! Сам залупастый, забижал многих, а мне ништо! Ты первым будешь! А порты-то сухи мои, сухи порты и ненаволимши, как хозяин то твой. Гы...! А я вот сдюжил. Однак, уважаю таких я. Ну прощевай покеда, вскорости прийду я. Прощевай клыкастый!

Мужик тяжело поднимался с примятой, густой травы. Тело, ноги затекли от долгого сидения. Натянув измусоленный, мятый картуз на лохматую голову, направился в сторону аксакала, который так и не сдвинулся с места навстречу ему.

Пёс сидел и смотрел, как мужик, взяв хозяина под руку медленно вывел его на тропу, и они скрылись в горном кустарнике.

Проводив долгим взглядом гостя с хозяином, пёс направился к ручью. Он долго лакал ледяную воду и наблюдал, как наглый, старый козёл сунул рогами в круглый зад молодого барана. Передние ноги барана подломились, и он зарылся в траву. Козёл обошёл его и начал метать горохом помёт, прямо в его морду.

Солнце уходило за горы. Вся округа покрылась розовой пеленой: кустарник, трава, скалы и облака, нависшие над горами, все были в прозрачно-розовом одеянии. Скоро станет прохладно, и стадо отдохнёт от жаркого летнего дня.

Налакавшись из ручья, Берды подходил к козлу, который вновь нацелил рога в зад того же барана. Разогнаться козёл не успел – в два отработанных кобелём приёма, он лежал уже на земле. Пёс, задрвав лапу, долго поливал давно не моченную бляющую морду. Сама же морда пса, выражала глубокую озабоченность и немаловажное впечатление от проведённого дня.

V

Шёл 1922 год! Закончилась Гражданская война. Из развалившейся Российской империи, были изгнаны иностранные интервенты. Белогвардейское течение на всех фронтах, возглавляемое Деникиным, Юденичем, Корниловым, Колчаком, Врангелем, махновцами и другими отрядами не согласными с новой властью, было разбито. Победу одержали большевики и их Красная армия.

В новой стране под названием Россия, а затем и в Закавказье, установилась Советская власть. Но ещё гуляли по Кавказу недобитые банды басмачей. Хозяин пса, Мурдыхан оглы, далеко уже не молодой, целый год мотался в банде, борясь с неверными. Но вскоре понял, что власть большевиков не одолеть, отошёл от разбойных дел и занялся мирскими делами.

Как-то верхом на коне, Мурдыхан гнал рысью в соседний аул, к родственнику, а навстречу пылила колёсами лёгкая бричка с открытым верхом. Тропа была узкая и было не разехаться. Пришлось остановиться и верховому и тому, кто сидел бричке.

В бричке сидел колоритный, огромных размеров, толстый мужик, зад которого занимал места, рассчитанные на двоих пассажиров.

Поравнявшись, мужик забасил сильным голосом:

– Здрав будь, мил человек! А найду ль я в округе вашей крышу для приюту нядельки на три и с харчеванием чтоба? Да и пса надобно свирепого приобрести породы вашей, кавказской. Мне для огорода потребен он, капусту охраняти.

Мурдыхан оглы в миг смекнул, что заезжий из далека и, по его виду видать, при деньгах хороших! «С этого заезжего купца можно много взять» – прикинул горец.

Бывший басмач смотрел на русского мужика и быстро соображал, чтобы не упустить, как ему показалось, настоящего купца с толстым кошельком. На ломаном русском, но довольно понятном, Мурдыхан, с похжей на гримасу улыбкой, сладко заговорил:

– Мой дом жит будэш! Дом карошь, балшой дом. Кушат карашо будэш. Собак тьбэ пакажу, шайтан, а не собак! Волк, шакал ривёт, как курочку. Пьерья в пух, и все льятят, нэ сабирьёшь долго.

Мысль продать Бердыя пришла мгновенно. Псу полных восемь лет, через два-три года он уже будет стар, чтобы пасти и охранять большую отару. А такому мужику под стать и пёс таких размеров: «Скину тройку годков, пёс ещё в хорошей силе и с виду молодец!», – уже радовался в душе старый басмач. Как же ему повезло, что повстречал на узкой тропе такого купца. «Надо удержать его, он при деньгах хороших!»

– По рукам! – сказал мужик и протянул здоровенную, волосатую руку с растопыренными толстыми пальцами.

– Иезжйй прям по этот дарог, там мой аул. Мой пэрвый дом будэт, по эта рука, – он потрогал правую руку мужика. – Я скор будэт издэсь. Я даганю тьбя. Твоя жди моя у дом моя!

И Мурдыхан, пришпорив коня, лихо, как молодой джигит поскакал, пригнувшись к гриве красивого скакуна.

VI

Настоятель православной церкви, а теперь бывший настоятель, имевший когда-то около сотни прихожан, отец Козолуп (так уж окрестили духовного отца из разбойного села) – в миру же именовался Поедотом Поедотычем и фамилию носил – Поедотов. Проводив глазами горца, Поедот хмыкнул невесело вдогонку: «Хитёр неверный, глаза нехорошие и в душу не заглянешь, тёмная! Ентот завсегда с камнём за пазухой! Ну да ладно, не стану другую крышу искать – коня бы не загнать. Не приведи Господь!»

Бричка тронулась с места. Широкая спина мужика тряслась и раскачивалась, удаляясь в сторону аула по выдолбленной, каменистой колее.

Сорока шести годов от роду, слыл отец Козолуп в поселении Калужской губернии отменным пьяницей и буяном, страшным гулякой, дебоширом и грубияном. Обладал необузданным норомом, басистой глоткой, прожорливостью и необыкновенной силищей. Когда находился в пьяном угаре от бесконечных застолий, жители соседних домов, от греха подальше, покидали их, иногда и неделями.

Уходили целыми семьями. Летом, кто в поле, кто на опушку леса, в зимние холода просились на ночлег в другие семьи. Их пускали безропотно, зная, что этот «сатана лохматый» в следующий раз около них объявится, и тогда им придётся искать крова у соседей. Даже сплотившись, крепкие мужики не решались встать супротив отца Козолупа, зная его силищу.

Как-то четверо местных парней решили уgomонить разбушевавшегося молодого батюшку во дворе одной вдовушки, от которой он никак не хотел уходить со двора, пытаясь взобраться на её крыльцо. Хозяйка отбивалась пыльной половицей и оба они так орали, что привлекли к её калитке немало зевак. Четверо крепких мужиков вошли в калитку и разом хотели наброситься на пьяного святого отца. И тут, божьей милостью во спасение смелых мужиков, подвернулся момент, когда между мужиками и Козолупом пробежал молодой, розовый хряк, под центнер весом. Святой отец, непонятно каким образом, умудрился схватить хряка за заднюю ногу. Сви-нья с визгом пролетела над головами мужиков и упала на крышу дровяного сарайчика, проломив её. Вдова, как и хряк, ужасно визжали, а мужиков, будто ветром снесло со двора. Козолуп даже шага не успел сделать в их сторону, чтобы вначале окрестить их знамением, а потом начать бить. В драках, он всегда крестил перед собой стоящего, как бы давая шанс остаться быть живому, когда начинал того лупить. Лупил безжалостно, а утром жалел, жалел, как родного брата или братьев, если под руку попадались сразу трое..., и такое бывало. Самолично нёс в дом, или в дома побитых, целительные примочки, сам лечил их и молился за здоровье полуживых, но ещё не до конца убиенных мужиков, ругая себя последними словами.

Когда же загулы и дебоши молодого попа прекращались на длительный срок – это было время перевоплощения гуляки-дьявола в истинного христианина. Наперекор всем порокам нравственности православного, отец Козолуп имел широкую, добрую душу большого человека. Пребывая в покорном смирении после затяжных пьяных гулянок и дебошей, душа его, со всеми её щедротами распахивала широкие свои ворота для народа. И народ валил в эту душу, которая не брезговала никаким грехом кающегося, всё брала на себя и с миром отпускала грешника, прощая ему всё. А потом, он в тесном единении с самим собой, подолгу замаливал грехи прихожан, каждый из которых, вольно или невольно являлся большим грешником, ведь это было поселение людей неугодных императору и всему государству.

С характером неопределённым, взрывным и страшным в гневе, он тут же мог становиться отходчивым и добрым и слезу пролить покаянную, и заласкать словом утешительным обиженного, и в ноги поклониться врагу своему. Затаённую на кого злобу или обиду никогда при себе не держал, а в селе были такие, которым по молодости святой отец то рёбра подломал, то девку увёл с под венца. Селянам помогал и словом, и делом, болея всею душою за тех, у кого

горе или беда какая случалась. Народ любил своего отца святого Козолупа, когда тот целиком погружался в свои церковные дела, Господом Богом порученные, и боялся его, когда он отходил от них и ударялся в грешные пороки: блуд, пьянство и чревоугодие.

Будучи глубоко верующим и богобоязненным, хорошо сознавая, что творит, обуздать свой бешеный норов он был не в силах. Продолжая нарушать все каноны православия, святой отец по уши погряз в непристойной скверне забывая обо всём, и самого себя – кто он есть в этом мире!

После затяжных запоев и бесшабашной гульбы, святой отец доползал до церкви, взбирался на крыльцо и открывал замок на дубовых дверях своего второго дома. Подолгу пребывая в уединении и думах тяжких своих, методично отбивал земные поклоны о холодный каменный пол, в кровь расшибая лоб, замаливая грехи свои запойные и похоть блуда неумного, молясь за грешниц-баб, которые затащили его в этот тёмный омут утех, аки жеребца из стойла, каждая из которых первой желала обуздать неугомонного. И, едва очухавшись, после пробуждения, он отпускал их грехи на исповеди, беря всё на себя, каждую благословлял и отпускал с миром, приговаривая:

– Воздержись, дочь моя, недельки на две. Ибо, пока сатано жив да в силе, не спрятаться от окаянного: ни в соломе густой, ни в перине мягкой, ибо ходим по земле мы поки, а апосля... Господь токи ведаёт, куда каждого сунуть!

Приводя себя в порядок для богослужения, святой отец литрами вливал в горящее нутро кислый рассол квашеной капусты. Миряне толпились у дверей деревянного храма в ожидании, когда же примет их грешный батюшка, для отпущения их грехов.

Переодевшись в одежды для ведения службы православной, он настезь распахивал, как и душу свою для народа, тяжёлые двери церкви. В широкой улыбке, с заплывшими глазами и расшибленным синим лбом, встречал селян с широко распростёртыми руками и ногами.

– Заходьте! Усе заходьте, разжалкие вы мои, братья и сестры! Усех услышу, усем грехи отпущу и на путя истинный поставлю. Усё, усё со всех на себя беру!

И начиналось долгожданное для народа торжественное богослужение с пением, причащением и замаливанием грехов человеческих.

Богослужение вёл исправно, по всем канонам православия. Басил так, что стёкла дрожали в оконцах. Зачарованный люд любовался своим батюшкой, как тот распевает псалмы – статный, сильный и высокий, он вызывал зависть у недругов, которых нещадно бил на днях, а бабы считали дни, когда кончится воздержание и вновь объявится сатано, потому что с его появлением, церковь закрывалась на амбарный замок. Наступали лихие дни!

Святого отца нельзя было не уважать – его красивый, сильный голос гремел не только в церкви, он гремел на всех застольях, на свадьбах и на похоронах, когда отпевал отданную, грешную душу раба божьего, которого Господь призвал. Все церковные православные праздники, обряды, венчания, отпевания вёл умело, по всем правилам, как и полагается настоящему настоятелю.

В душу кающегося грешника на исповеди, мог залезть так, что самое что ни наесть сокровенное вылезало из тайников его души, будто последнее хлебное зёрнышко вытряхивал грешник из своего мешка.

Добротная деревянная церковь, на высоком фундаменте из камня, была заложена дедом, разбойником с большой дороги. Промышлял его дед в молодые годы свои удалые грабежом люда богатого. Когда же пришло время представиться пред Господом, позвал он обоих Поедотов – большого и малого, сына и внука – дать свой последний наказ и слово взять с каждого, чтобы уйти спокойно на суд Божий.

– Поедотушка! Растудыть-та мать твою-та, шалаву непутёвую! – глядя большой ладонью по крупной в чёрных кудрях головке пятилетнего мальчика, не по годам крупного, дед продолжал: – Нутырём чую! Шустрый малец из тебя станет, токмо нутырь мой николи не забма-

нывал мене. Зело добра много тябе жалаю, и дорога пушай ширше моей станется. Лобом прошибай, лоб, гляжу, аки у барана, а бараны шибко лобом энтим бьют. Токи роги не отрасли! Бабу, пышнозадую в жёнки бери, да помордастей. Оне, сучки энти, измору долги не поддаются, ядрёнки шалавные. Табе така в самый раз буде, трёх заменить и гуляти мене станешь! Ступай, малец! С батькой твоим успеть надобно...

– Табе же! – обратился он к сыну, – Табе, Поедот, повелеваю отдать внука маво в бурсу, духовенскому делу обучаться. И быть яму настоятелем церкви православной и грехи мои тяжкие замаливать, на то, деньги даю скоплёную, в трудах больших доставшихся. Фундамент крепкий заложил я на возведение, а тябе завершать! Вот моя воля такова последня станет. Вам выполнять!

Дедова воля исполнилась, как он и наказ давал последний свой. Церковь строилась на оставленные им деньги. А деньжищи разбойник скопил немалые. По его же воле, когда Поедотушка подрос, отправил отец его в дальний уезд, на обучение в духовное училище.

В двадцать один годок лихой молодец весь в деда – и образом и членосложением, стал настоятелем сельской церкви, законно утверждённого документом Российского Синода.

Приход давал неплохой доход и в деньгах, и в харче. Несли всё молодому батюшке – яйца, творожок, молочко топлёное, яблочко мочёное, пирожки печёные, курочку, гуся и домашнего первача.

Аппетитом, ещё с самого рождения, молодой батюшка не страдал. Что Господь давал, то и поедал. К тридцати годам женился, бородинцу отрастил, становился матёрым мужиком. Из дедова наследства и денег прихожан, заложил большой бревенчатый дом на самом краю села и разбил в несколько длинных грядок капустный огород. К капусте святой отец имел непреодолимое искушение, равно, как и к домашнему первачу.

VII

Старинное село (поселение) «Задрышев Клин» на картах Российской империи появилось маленьким пятнышком в начале 17-го века без названия. Сюда, в глухие леса Калужской губернии, ссылались лихие люди. Люди, самых разных мастей и сословий из разных концов необъятной матушки России. Разбойный люд прибывал из Поволжья и южных окраин, из-за Дона и Кубани. Народ приходил разношёрстный: бунтовщики-зачинщики, душегубы, конокрады, казнокрады и просто воры и разбойники. С нестираемыми, как клеймо кличками и прозвищами, эти «фамилии», в последствии унаследовали и новые поколения.

Село берёт начало с первых двух изб поселенцев 17-го века. Каждый строился подальше от соседа. Не ладил вор с душегубом—убийцем, а проворовавшийся чиновник с лесным разбойником.

Шли годы, грешный люд лихой прибывал, село расширялось, строилось. Когда с престола сняли последнего русского царя, село перестало пополняться новыми поселенцами, и избы новые боле не возводились. С новой властью, свергнувшей царя, появились и новые карты нового Российского государства.

Во все концы страны направлялись люди, уполномоченные вести регистрацию обитаемых мест и их жителей, а также разъяснять политику новой власти и мирового революционного движения, дающего свободу трудовому народу, которого поработил буржуазный ненасытный проглот.

При новой власти рост села вскоре прекратился. Последними на поселение прибыли петербургский городской с партией чумазных мужиков разных возрастов. Когда была поставлена последняя изба, село насчитывало сотню дворов в три ряда стоящих. Разброс домов в начале поселения был велик, а в конце избы вплотную жались друг к дружке. И село приняло форму большого клина, где дома сходились в одну точку. И точку на острие этого клина ставила добротная изба отца Козолупа.

При Советах название села «Задрышев Клин» Калужской губернии было утверждено большевиками единогласно. Оно полностью соответствовало названию, как по форме, так и по содержанию.

Вначале, большевики, перекраивая карты бывшей российской империи, усомнились в названии этого села и копнули поглубже царские архивы, где всё и прояснилось. Архивные документы указывали, что первым поселенцем, значился смутьян народных масс из южных окраин с отвратительным прозвищем – от него и пошло всё...

Это был запорожский казак, сосланный по приказу царя – Опанас Задрыщак. Он же являлся и главным «архитектором» села. По прибытию новых поселенцев, Задрыщак одним движением пальца указывал направление, где ставить избы. Село помаленьку застраивалось по указанному направлению первого поселенца, и каждая новая изба, невольно, сближалась плотнее с соседней.

Мужики, прибывшие последними партиями, начали изучать местность в округе. Оказалось, что первооткрыватель Задрыщак и шага не сделал лишнего, чтобы изучить ближайшую округу, он просто указал направление и прямо на топкие болота, которые с трёх сторон окружали строящееся село лихого народа.

Ещё задолго до прихода новой власти, поселенцы на очередном сходе порешили выбрать старосту. Надоело селянам постоянно драться и враждовать меж собою. Людям нужен был какой—никакой, но хотя бы малый порядок, чтобы все вопросы на селе решать мирным путём.

Единым решением старостой села был избран Пипин-Второй. Пилипинов Е. Г. – «Пипин-Второй», так рекомендовал себя петербургский городской селянам и не иначе! Челю-

век городской, из самой столицы, грамоте обучен, знающий законы и порядок, и опыта не занимать – сорок годов службе отдавший.

Избранный староста приступил к своим обязанностям. Как человек городской, порешил на селе обозначить улицы. Из домов, стоящих в три ряда, намечались две улицы и один проулок. Дело стало за малым – именами каких героев назвать эти, так называемые, улицы?

Тёплым, летним, ранним утром собирал староста за селом на зелёном лугу мужиков. Велено было харч, самогон и квас с собою несть, так как сход обещал быть долгим и спорным. На повестке долгого дня обсуждений стоял один единственный, но важный вопрос – какими же именами двух героев, назвать эти безымянные, кривые, немощёные улицы?

И чего только не наслушались задрыщевцы о предках близких и дальних соседей своих. Какие только истории они не услышали о деяниях человеческих, где каждого второго за такие геройства на кол сажать надо, а его в герои метят. Кто плевался, кто крестился, кто страшно матерился, а кто, на ходу спуская портки, мчался в густые кусты.

Страсти поселенцев-рассказчиков накалялись всё сильнее и сильнее, подогреваемые жарким солнцем и крепким самогоном. Спор мужиков и ночь застал. За эту ночь, каждый узнал, кто есть кто. Кто был хорошим соседом, стал злейшим врагом, и наоборот. Староста, поскрёбывая лысый затылок, уже начал сомневаться: «Зря затеял! Будь неладны эти улицы, вместе с затхлым проулком. Хорошо драки не случилось!».

Когда утреннее солнце осветило поляну, взъерошенные, усталые мужики, едино и без спора, выбрали наконец-то героев. Это были смоленские холопы, мужик с бабою. Участники Отечественной войны 1812 г. супротив Наполеона-Бонапартия – лесные партизаны.

По домам мужики расходились, шатаясь от бессонной ночи и полные впечатлений самых противоречивых. Послабее кто, оставались на траве, в росе лежать, до полного протрезвления и восстановления сил, оставленных в жарких спорах.

Следующим утром просыпались задрыщевцы каждый на своей улице. В начале села, с его широкой стороны, были врыты свежеструганные сосновые столбы с указателями, на которых чёрной краской сияли вписанные имена героев.

Улица имени «Федулки Скирдякина» и улица имени «Феколки Скирдякиной» – то были муж и жена, холопы смоленского помещика. Когда француз ступил на русскую землю, взяли они вилы и ушли от барина. Подались в глухие леса и стали партизанить.

Уж больно ловко Федул и Фёкла управлялись с вилами. Молва народная о них по всей Смоленщине разносилась. Сказывают, залезут оба на сосны и дожидаются обоз или отряд французский. Как тот появлялся, глухарём прокукарекают и валятся вдвоём и прям на головы супостатов. Пока те в безмолвном расторопе стоят, они их на вилы и в скирд всех валят. Говорят, сам Кутузов, когда настало время гнать француза, самолично разыскал их и каждому по «Георгию» вручал.

Как назвать проулок, было делом пяти минут. Он уже сам по себе давно название себе дал. Дом отца Козолупа, отделяла от всех домов села узкая тропинка. Её и определили проулком, под названием «Смердящий огород».

Святой отец к названию проулка претензий не имел, покорно принял его название, крыть было нечем. Страшная вонь квашеной капусты и солёных огурцов разносилась по всему двору и за его пределы. Пустые бочки, с прилипшей к стенкам капустой, грелись на солнышке в ожидании дождя, чтобы отмыться до следующего урожая.

VIII

Гулял отец Козолуп, прямо сказать, с размахом широким, щедро, за пятерых гулял. Угощал всех, которые не сторонились его и уважали добродетеля своего. Замолив в глубоких поклонах и испросив у Господа прощения и отпущения грехов своих, вставал батюшка с карачек, снимал рясу и закрывал тяжёлые двери церкви до тех времён, когда православная душа грешника, сама, не потащит его взбираться тёмной ночью по крыльцу храма и запереться для полного просветления ума и очищения прелюбодейной грешной плоти в нескончаемых молитвах до полного облегчения, осознав всем нутром своим, что Господь услышал его и благословил прощённого выйти в народ на сотворение деяний праведных.

И тогда, прощённый, он шёл в люди с очищенной душою и добрыми намерениями. Шёл творить благое дело – с грешников грехи снимать! Так уж распорядился Господь, что насовал в места эти непослушников да строптивцев, не ужившихся с народом Бога почитающим. Душу грешную, святой отец выслушивал внимательно, не торопя кающегося, ныряя вместе с ним в тяжёлый груз его глубоких страданий. Когда же таинству исповеди приходил конец, он встряхивал грешника так, что тот чувствовал полёт с крыши, и наступало необыкновенное облегчение. Грехи были сняты, а святой отец был приглашён в дом разделить трапезу за столом, с перечислением наперёд набора яств и гостей, по случаю глубочайшего очищения души и тела.

Но после первого же влитого стакана, прощённый Господом настоятель и, часами ранее очищенный им, хозяин перевоплощались, и в вымытые светлые души их, снова падал дьявольский мусор искушителя. Всё начиналось сначала! Несло течение Козолупа по бурной, дьявольской реке прямо в омут и засасывало его всего с головою и очень глубоко, до самого дна...!

Допивался так, что, очухавшись, не соображал, где и у кого он, не узнавал дома своего села и их обитателей. А оказывалось, что он в другой деревне, в пяти верстах от родного села.

Гены деда-разбойника передались и Поедотушке. Даже в трезвом смирении, его неустанно тянуло выйти на широкую дорогу, на простор промысла, не с топором, боже упаси, а так, пошалить, душу от скуки потешить. В смиренном состоянии, он ещё мог сдерживать себя, но стоило только нахлебаться, и дьявольские силы, тащили его за ноги на эту дьявольскую промысловую дорогу. И тогда – «Берегись, кто может!». Раскорячившись посреди дороги, растопырив в стороны ручищи, он рычал медведем, и лошадь вставала пред ним на дыбы в диком храпе и страшном ржании.

Было от чего в эти моменты в порты навалить, особо в зимние сумерки и когда выюжит. Да так и было и, даже, не раз...! Батюшка останавливал перепуганную до смерти лошадь, сбрасывал с саней всех, кто сидел в них, и несла его нечистая куда ему взбрендится.

Так, однажды, в тёплый вечер гнали они втроём в ближайшую деревеньку (тоже с поселенцами) под гармонь и прихваченный самогон. Пять вёрст пролетели быстро.

В чужой маленькой деревеньке он ломился в первые же ворота, чтобы слово ласковое изречь, капустой с рюмашкой угостить, грехи со всех грешников собрать и увезти сатанинский груз в телеге, обещая замолить до последнего греха в своей церкви. Но деревня та была уже понаслышана о доброй душе Козолупа вскоре после окончания им духовного училища, о его полной, через край льющейся, доброте. Она закрывала наглухо все двери, окна и ворота при появлении святого отца задрыщенского. И вот тогда, батюшка приходил в сильную ярость, просто за непонимание...! Пропахав сапожищами десяток дворов, клича братьев и сестер показаться ему на глаза и, никого не узрев, уезжал обратно, продолжить гулянку до утра.

Загуляв в очередной раз, снова занесла его нечистая в эту же деревню, где он когда-то крепко побуянил. Гавриил и Павел, так окрестил своих собутыльников отец Козолуп, правили вдвоём вожжами, а батюшка возился в соломе на дне длинной и глубокой телеги. Он ехал

в гости к мужику, который сумел распознать в святом отце истинную душу православного христианина. Этот мужик познакомился с батюшкой в церкви, на Пасху, а потом знакомство продолжилось в доме Гавриила, где мужики крепко разговелись после длительного поста.

Проехав по лесной колее пять вёрст, задрывцевы въезжали в самую ближайшую от их села соседнюю деревню. Козолуп уже изрядно набрался, прикладываясь к бутылки, которую вёз для хозяина. Сам же хозяин дома, сидя на завалинке, уже стал клевать носом, совсем забыв утереть его платком, который всегда был при нём. Приглашённых гостей, пригревшись на тёплой завалинке, он ожидал уже третий час.

Вдруг, перед лошадьми, будто из-под земли, выросла плотно сбитая женская фигура. Гавриил с Павлом матерясь натягивали вожжи, и орали в две глотки. Лошади встали на дыбы и заржали, а фигура – ни с места, стала вкопанным столбом. Начали тормошить задремавшего батюшку. Большая, взлохмаченная башка с соломой в волосах, с глазищами навывкате усталилась на эту, выросшую ни откуда, бабью фигуру.

Перед лошадьми стояла молодая девица, лет восемнадцати, в лёгком летнем платье. Имела она, не по своим годам, крупные, тугие телеса: огромные, пышные груди и широкий зад. Толстенные белые ручки с маленькими кулачками упёрлись в её круглые бока, и такую же толстенной ножкой девка шлёпала по земле, поднимая пылицу по самые колени.

При туго затянутом корсете, ещё можно было распознать контуры девичьей талии. На крупной, круглой головке имелись две косички цвета соломы, и были уложены эти косички в сдобные ватрушки, которые красовались над розовыми ушками, мудрёно закреплённые невидимыми шпильками. С висков на пухлые щёчки свисали два завиточка, и в каждом ещё имелись по три колечка. Три ямочки: две на пухлых щёчках и одна прямо на серединке маленького подбородка, и яркие, маленькие, пухленькие губки на круглом личике приковывали к себе взгляд. Всё вместе делало фигуру настолько запоминающейся, незаурядной, колоритной и неповторимой, что отыскать ещё одну такую, было бы невозможно.

– Ну-у, и чаво надоть, дочь моя? – смиренно спросил взбодрившийся Козолуп, с большим любопытством разглядывая фигуру, которая умудрилась поставить лошадей на дыбы. Он никогда не видел, чтобы баба могла это делать. – Да, ты, дочь моя, никак навозилась где...? Ноги, штоль не йдут? Таки подь к мне, причастись блаженная. Налью, скок не попросишь. Эван, пити не испити.

Козолуп поднял над собой бутылку с мутной «водой»:

– Не боиси..., греха тута нетуть, кады стаканец-другой на душу примешь, она токи добрей и бодрей становитси. А грех я отпушшу, ежель имеешь какой! Ходи, ходи милая, приложимся к сосуду, и ноженьки сами поведут тебя к счастью твоему, ежель ишо не имеешь такова, а я, благославлю! А можа и не...

Козолуп привстал, не договорив чего хотел и начал осматривать девку совершенно другими, не любопытными, а жадными глазами, тараша их на крепко сбитую, круглую фигуру. «Вша кака ядрёна, мать её ети! И ногою не раздавишь! Крепка баба!» – оценивал, присмотревшись к девке Козолуп.

– Тож мне, удивел бутолью стеклянной! Да у мене их целый погрёб и коды хочу, тоды и прикладаюсь. А твоею вонючки и глату не зрблю, мутяга одна. Гнаты потыхэньку, тэрпеньем трэба, поки со слэзою попутаты можно станет. А твоя мутяга, да от такю тилькы в телегу блеваты, птфу-у..., – девка послала смачный плевков под копыта притихших лошадей. – Так вота шо, казаты тэбэ хочу, пан Козолупэ!

Она смело, с вызовом смотрела в страшный, лохматый, и истыканый соломой облик удивлённого святого отца.

– Да ты, пановэ, мабудь запомятав, як ворота нам росхэрачив в щэпу напрочь! Цэ ты, ты пановэ, жапою звоею курэй наших во двори пораздавкав, колысь тэбэ завурачивало в навози. Я в щеляку до утрянцы з тэбэ ока нэ зводыла. Потим бачила, уползал ты як. Як гада грэмуча

с пэснякамы, товста жопа вэрхом, а глотка в навози! А шэ звященна хфигура звьётся, грэхи з народу зтаскываешь, птфу-у...

Очередной плевков снова полетел под копыта гнедых, кони, вздрогнув, нервно замотали головами.

– Зараз я в тэбэ вчаплюся рэпэём, поки нови ворота нэ зачинэшь, тай курэй нэ прынэ-сишь! Я не подывлюсь, що ты батька святой! Во такой сказ мий будэ, пан Залупэка, тьфуу, тый, почидай, запомьятала, як же тэбэ, Закалупэ? Ни-ни, пан Козолупэ! Во так справждни будэ. Эгэ! Добжэ!

Козолуп никак не ожидал, что в этой захудалой деревушке, вот такие водятся..., он рас-терянно смотрел на эту молодую, наглую нерусь, но рот его почему-то заклинило, вместо того, чтобы рявкнуть бранью, от которой с дороги в канаву сносит. Он толкнул обоих апостолов-собутыльников локтем и спросил:

– Было..., аль врётъ, баба бешеная?

Они молча, пожав плечами, закивали головами, виновато поглядывая на святого кор-мильца своего.

«Стало быть намедни, эт я, у них во дворе топталси. А врата-то слабующие, видать нетуть в избе мужицкой руки, бабьё одно. То-то и визжали в три глотки, аки три свиньи, ни един мужик не вылез во двор» – вспоминал святой отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.